

1. Доступность Библии в Аравии до Ислама

The Bible's Availability in Arabia Before Islam

До возникновения Ислама в 7 веке, Библия действительно уже была известна в Аравии, хотя и не широко доступна. Копии Писаний существовали по большей части на сирийском и греческом языках, а также на иврите, в зависимости от религиозных общин, которые находились в регионе. В ту эпоху полуостров не представлял собой единого целого в культурных и языковых вопросах: здесь жили еврейские общины, различные христианские течения и язычники-арабы.

Такие еврейские общины как в Ясриб (позже, Медина), Хайбаре и Тайме имели доступ к еврейским Писаниям и арамейским Таргуми (переводы еврейской Библии на арамейский язык для чтения в синагогах).

Христианские общины, особенно находившиеся под влиянием сирийскоязычных восточных церквей (несториан и якобитов), пользовались сирийскими переводами Библии, такими как Пешитта.

Грекоязычные христиане, жившие в северо-западных областях, и находившихся под властью Византии (например, в районе Акабского залива), использовали греческую Септуагинту или греческие рукописи Нового Завета.

Таким образом, хотя отдельные части Библии и были известны на Аравийском полуострове, они оставались в распоряжении религиозных меньшинств и существовали лишь на иностранных языках.

2. Существовала ли Библия на арабском языке?

Во времена Мухаммада (начало VII века) Библия еще не была переведена на арабский язык в полном или утвержденном виде.

Тем не менее, отдельные отрывки и устные пересказы Священного Писания таки существовали среди арабских христиан.

Существуют свидетельства того, что:

Некоторые арабоязычные христиане на севере Аравийского полуострова, а также в государствах Гассанидов и Лахмидов, имели частичные переводы или богослужебные чтения из Писания на арабском языке.

Сама арабская письменность в то время лишь начинала формироваться как единая литературная система, поэтому религиозные тексты на арабском были весьма редки.

Первые известные полные переводы Библии на арабский язык появились уже после возникновения ислама, примерно в VIII–IX веках. Их создали христианские учёные, жившие под мусульманским владычеством, отчасти в ответ на многочисленные упоминания в Коране более ранних Писаний - Торы (Таурат), Псалмов (Забур) и Евангелия (Инжилъ).

3. Заключение

Аспект	Ситуация в доисламской Аравии
--------	-------------------------------

Ознакомленность с Библией	Известна среди евреев и христиан
Доступные языки	Иврит, арамейский (сирийский), греческий
Перевод на арабский	Пока не доступен (только в устной и фрагментарной форме)
Доступность	Ограничена для религиозных меньшинств; недоступна для большинства арабского населения

Итак, вкратце:

Библия была известна и присутствовала на Аравийском полуострове до возникновения ислама, однако на арабском языке она тогда не существовала. Большинство арабов не имели к ней прямого доступа, кроме как через устные пересказы и наставления иудеев и христиан.

Обзор самых ранних арабских переводов Библии и их авторов, с кратким историческим контекстом

1. Ранние частичные переводы (VI–VIII века)

До ислама (VI век)

Не существует никаких свидетельств существования полного перевода Библии на арабский язык до появления ислама.

Однако отдельные части, особенно Псалмы, Евангелия и отрывки, предназначенные для богослужебного чтения, вероятно переводились или пересказывались для литургических целей арабских христиан, живших в северных районах (таких как Гассаниды и Лахмиды), которые говорили по-арабски, но молились на сирийском и греческом языках. Некоторые надписи и поэтические тексты той эпохи содержат библейские выражения на арабском, что указывает: знание Писания передавалось в значительной степени устно.

2. Первые известные арабские переводы (VIII–IX века)

После появления ислама и превращения арабского языка в язык науки и управления, христианские и еврейские ученые начали переводить свои священные книги на арабский.

(а) Евангелия

Самые ранние сохранившиеся арабские рукописи Евангелий относятся к VIII веку (например, Ватиканская арабская рукопись № 13).

Вероятно, они были переведены с сирийских (Пешитта) или греческих источников мелкитами (греко-православными) или несторианами (Церковь Востока).

Целью таких переводов было не только литургическое использование - чтение Писания в арабоязычных общинах, - но и апологетическая: ответ на вопросы мусульман относительно Инжиля (Евангелия).

(b) Ветхий Завет / Еврейская Библия

Еврейский философ и раввин Саадия Гаон (882–942) создал один из первых полных переводов Еврейской Библии на арабский язык, известный как *Таргум*.

Его версия, написанная на иудейско-арабском (арабском языке, записанном еврейскими буквами), предназначалась для евреев, живших под мусульманским владычеством и уже не владевших древнееврейским языком в совершенстве.

Этот перевод получил огромное распространение и влияние во всём еврейском мире.

(с) Христианские переводы всей Библии

Хунайн ибн Исхак (809–873), несторианин, ученый и врач из Багдада, считается одним из первых переводчиков частей Библии на арабский язык, особенно Евангелий.

Он был врачом и переводчиком, и был связан с знаменитым *Домом Мудрости* (Байт аль-Хикма) в Багдаде; его переводы сыграли большую роль в сохранении библейских текстов для арабоязычных христиан.

Другие христианские переводчики IX–X веков, такие как епископ Абдаллах ибн аль-Фадль аль-Антаки (из Антиохии), продолжили эту работу, создавая тщательно выверенные литературные переводы с греческой Септуагинты.

3. Язык и цели переводов

Поскольку арабский язык стал общим языком общения евреев и христиан под исламским владычеством, переводы имели целью сделать Писание доступным для их же собственных общин.

Переводчики нередко сопровождали текст толкованиями (*тафсир, шарх*), что свидетельствует о глубокой вовлеченности в богословские споры того времени - как исламские, так и христианские.

Арабская библейская традиция была весьма разнообразна: одни переводы опирались на греческие источники, другие же - на сирийские, коптские или латинские оригиналы.

4. Самые ранние сохранившиеся рукописи

Период	Произведение	Переводчик / Происхождение	Примечания
около VIII века	Арабские Евангелия (Ватиканская рукопись № 13)	Мелкиты (греко-православные)	Одна из самых ранних известных рукописей Евангелия на арабском языке.
IX век	Части Ветхого Завета	Хунайн ибн Исхак	Переведены с сирийских и греческих источников.
около 900 г. н. э.	Полный перевод Еврейской Библии (<i>Тафсир</i>)	Саадия Гаон	На иудейско-арабском; первый полный перевод Библии на арабский язык.
XI век	Полная христианская Библия	Абдалла ибн аль-Фадль аль-Антаки	Перевод с греческой Септуагинты; широко использовался в Восточной Церкви.

5. Заключение

Вопрос	Ответ
Существовала ли Библия на арабском языке до ислама?	Только отдельные фрагменты и устные пересказы, не полный перевод.
Когда появились полные переводы?	Между VIII и X веками н. э.
Кто их создавал?	Главным образом христианские и еврейские ученые: Хунайн ибн Исхак, Саадия Гаон и Абдалла ибн аль-Фадль.
Зачем?	Чтобы сделать Писание понятным арабоязычным верующим и участвовать в богословских дискуссиях под исламским владычеством.

1. Культурный и религиозный контекст Аравии до ислама

а. Контакты с иудейскими и христианскими общинами

К VI–VII векам Аравия уже не была религиозно изолированной.

В Йемене и Неджране существовали процветающие христианские общины, находившиеся под влиянием эфиопской (аксумитской) и сирийской церквей.

В Ясрибе (поздней Медине), Хайбаре и Тайме издавна жили иудейские племена, принесшие с собой знание Торы и устных традиций.

На севере арабские племена, находившиеся под византийским влиянием (гассаниды), исповедовали монофизитское христианство, тогда как под персидским влиянием (лахмиды) распространялось несторианство.

Таким образом, арабы были окружены “людьми Писания” - общинами, имевшими свои священные книги. Они слышали истории о сотворении мира, об Аврааме, Моисее, Давиде и Иисусе, но в основном через устные рассказы, а не из письменных текстов.

б. Осознание существования Писания и стремление к откровению

Доисламская арабская поэзия и устная традиция отражают представление о едином Боге и жажду божественного руководства.

Существовали даже отдельные люди, которых называли *ханафами* - монотеистами, отвергавшими идолопоклонство, но не принадлежавшими ни к иудаизму, ни к христианству.

Эти арабы, разочарованные в язычестве, вероятно, с восхищением смотрели на евреев и христиан, у которых были “книги” и “пророки”.

Такое культурное окружение создает впечатление, что многие арабы ощущали потребность в собственном Божественном Откровении - в книге на своём языке, которая бы утверждала их идентичность перед Богом.

2. Признание Кораном своей связи с Библией

Когда Мухаммед начал проповедовать в Мекке (около 610 г.), Коран открыто вступает в диалог с иудейскими и христианскими Писаниями, заявляя при этом, что восстанавливает утраченное или искаженное ими откровение.

Например:

“Это подтверждение того, что было прежде” (Коран 10:37; 46:12).

“Мы ниспослали его как Коран на арабском языке, чтобы вы разумели” (12:2).

Коран упоминает более ранние откровения - Таурат (Тору), Забур (Псалмы) и Инджиль (Евангелие) - но утверждает, что его арабская форма является окончательным разъяснением этих истин.

В этом смысле Коран осознанно представляет себя как “арабское Писание”, подобное по значимости и форме иудейским и христианским Священным книгам, но предназначенное для арабов.

Таким образом, хотя арабы не создали собственных “Ветхого и Нового Заветов”, сам Коран стал именно таким ответом - Откровением на арабском языке, для народа, который ценил идею Священной книги, но не имел ее в своей традиции.

3. Являлся ли Коран “арабской версией” Библии?

Данный вопрос достаточно щепетильный, но исторически плодотворный.

С одной стороны - нет, потому что Коран не является переводом или подражанием Библии: у него собственная структура, богословие и литературная форма.

Но с другой - да: он представляет собой параллельное явление - Писание, возникшее в диалоге с библейской традицией и осознанно продолжающее ее.

а. Общая повествовательная конструкция

Коран опирается на библейские и послебиблейские предания:

Рассказы об Адаме, Ное, Аврааме, Моисее и Иисусе;

Понятия пророчества, откровения, греха и суда;

Однако Коран переосмысляет эти истории в арабской культурной среде, подчеркивая непрерывность Божьего послания, теперь преподнесенного “на ясном арабском языке” (26:195).

б. Особое богословское содержание

Коран отвергает учение о Троице, Воплощении и Распятии, что является основой новозаветного послания; но признает Иисуса пророком и Мессией.

Он утверждает, что Авраам был ханифом, - не иудеем и не христианином, а чистым монотеистом, тем самым укореняя арабскую идентичность в доиудейском и дохристианском откровении.

Так формируется новая священная история - арабская версия авраамической традиции, которая одновременно продолжает и исправляет прежние религиозные представления.

Таким образом, Коран - не “копия”, а самостоятельное переосмысление библейского мировоззрения в контексте арабской культуры и языка, или по сути, собственное Писание арабов.

4. Мнения исследователей

Современные ученые, такие как У. Монтгомери Уотт, Ангелика Нойвирт, Сидни Гриффит и другие подчеркивают, что:

Коран возник в среде, насыщенной библейскими представлениями: арабы слышали “истории пророков” устно, даже если не имели возможности читать саму Библию.

Послание Корана носит диалогический характер - оно предполагает знакомство с библейским повествованием, но преобразует его, формулируя арабский вариант монотеизма.

Арабский Коран дал арабам то, чего им не хватало: собственную священную книгу, утвердившую их как *народ откровения*, подобно иудеям и христианам.

5. Заключение

Тема

Итог

Стремление к откровению	Доисламские арабы, окруженные “людьми Писания”, жаждали иметь собственную Божественную книгу.
Библейское влияние	Библейские истории и идеи распространялись устно и пробуждали ожидание откровения.
Возникновение Корана	Коран стал для арабов священным текстом на их языке - фактически их “Библией”.
Преимственность и различие	Он опирался на библейские сюжеты, но переосмыслил их, выразив арабскую идентичность, богословие и моральное видение.

Итак, вкратце:

Доисламские арабы юга *не создали* своей версии Библии, однако *жили* в культурной среде, которая к этому располагала.

Когда появился Коран, он удовлетворил эту духовную и культурную потребность - стал арабским Писанием, осознанно продолжающим библейскую традицию, но заново формулирующим откровение для арабского мира.

1. Что сам Коран говорит о прежних Писаниях

Коран неизменно утверждает, что его послание не является новым, а представляет собой часть того же самого Божественного откровения, которое было дано прежде: “Он ниспослал тебе Книгу с истиной, подтверждая то, что было до неё, и дал Тору и Евангелие” (Коран 3:3).

“Скажи: мы веруем в то, что ниспослано нам, и в то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам, и в то, что было даровано Моисею и Иисусу” (Коран 2:136).

Однако Коран также утверждает, что прежние Писания со временем были неверно поняты или искажены, и что он восстанавливает их изначальный смысл в чистом арабском языке.

Это двойное утверждение - подтверждение и исправление - стало ключом к тому, как ранние толкователи понимали взаимосвязь между Книгами.

2. Ранние мусульманские толкователи о “людях Писания”

а. Ибн Аббас (ум. 687) - “Толкователь Корана”

Традиционно считается одним из первых экзегетов. Он учил, что:

Тора и Евангелие были изначально ниспосланы Богом;

иудеи и христиане исказили их (*тахриф*), не обязательно меняя текст, а искажая смысл; Коран был послан, чтобы “подтвердить” истинное и “разоблачить” ложное.

Ибн Аббас видел в Коране одновременно зеркало и меру - он подтверждает подлинное откровение и судит искажения.

б. ат-Табари (ум. 923) - великий историк и комментатор

В своем монументальном *Тафси́ре ат-Табари* он развил эту мысль:

“Подтверждение” прежних книг означает согласие в главном учении - вере в единого Бога, Его пророков и Судный день.

“Хранительство” (*мухайминан алайхи*, Коран 5:48) означает, что Коран сохраняет и защищает истину, содержащуюся в прежних откровениях, исправляя ошибки.

Ат-Табари часто приводил рассказы, сходные с библейскими (*исраиляит*) - устные еврейские и христианские предания, но предупреждал, что мусульманам следует принимать лишь то, что согласуется с Кораном.

с. аль-Куртуби (ум. 1273) - андалусский богослов

Он утверждал, что:

Коран - не копия прежних Писаний, а их окончательное выражение на арабском языке; *Тахриф* у иудеев и христиан был как текстуальным (изменение слов), так и смысловым (искажение толкования);

Именно поэтому Бог послал Мухаммада с арабским откровением, чтобы устранить путаницу и восстановить истину.

Аль-Куртуби прямо связывал это с Божьим милосердием к арабам: откровение пришло “на их языке”, чтобы и они стали народом Книги.

3. Учение о *тахриф*е (Искажении Писания)

Это и стало главным понятием, с помощью которого мусульманские ученые объясняли, почему Коран одновременно почитает и оспаривает Библию.

Они различали несколько видов *тахрифа*:

Вид	Смысл	Пример
Тахриф аль-ма’на	Искажение смысла, неверное толкование	Иудеи и христиане истолковывали пророчества так, чтобы они не указывали на Мухаммеда.
Тахриф аль-лафз	Искажение слов, изменение текста	Изменение или опущение мест, говорящих о Мухаммеде или о единобожии.
Китман	Утаивание истины	Соккрытие части откровения (Коран 2:42).

Иными словами, Коран рассматривался не как соперничающее Писание, а как критерий (*фуркан*), раскрывающий, где прежние общины уклонились от истины.

4. Коран как продолжение и завершение откровения

Ранние толкователи часто сравнивали цепь откровений:

Бог дал Тору Моисею,

Псалмы - Давиду,

Евангелие - Иисусу,

и, наконец, Коран - Мухаммеду, “печати пророков” (*хатам ан-анбаия*).

Так ислам начали считать наследником и завершением библейской веры, а арабский Коран - ее окончательной формой.

К примеру:

“Мы ниспослали Тору, в ней было руководство и свет... И Мы послали вслед за ними Иисуса... И Мы ниспослали тебе Книгу с истиной, подтверждающую то, что было прежде, и хранящую над ним” (Коран 5:44–48).

В ранних толкованиях слово *мухаймин* (“хранитель”) понималось как “свидетель”, “страж” и “исправитель”.

Таким образом, Коран мыслится как арабское переосмысление единого вечного Божьего послания.

5. Богословское и культурное толкование

С историко-культурной точки зрения, ранние мусульмане осознавали, что теперь они вступают в духовный мир откровения, уже знакомый иудеям и христианам.

Авторы тафсиров видели в этом проявление Божьего возвышения арабов:

До ислама у них не было ни Писания, ни пророка, ни завета;

С Кораном же они стали народом Книги, равным - а по их убеждению, и превосходящим - прежние общины.

Поэтому Коран неоднократно говорит:

“Это - Книга, которую Мы ниспослали тебе на арабском языке, чтобы ты предостерег Мать городов (Мекку) и тех, кто вокруг нее” (Коран 42:7).

Для ранних *муфассиров* это означало:

Бог теперь обратился к арабам на их собственном языке, даровав им то же, что некогда дал евреям и грекам - откровение, Писание и завет.

6. Заключительная таблица

Понятие	Ранняя мусульманская трактовка
Связь с Торой и Евангелием	Коран подтверждает их изначальную истину, исправляя искажения.
Причина откровения на арабском	Чтобы сделать послание Бога доступным арабам, ранее зависящим от чужих Писаний.
Природа искажения (<i>тахриф</i>)	И текстуальное, и смысловое; Коран возвращает ясность.
Роль Корана	Последнее и всеобщее откровение, превосходящее прежние.
Культурное значение	Арабы становятся народом Книги, имеющим своё откровение.

7. Заключение

Ранние исламские толкователи видели в Коране:

Продолжение пророческой традиции Библии,

Ее исправление и завершение,

Превращение арабов из народа без Писания в народ с прямым Божественным посланием.

Таким образом, по их пониманию, Коран не был человеческой арабской версией Библии, а стал последним Божьим актом откровения для арабов, давшим им то, что уже имели евреи и греки: Книгу, Пророка и священный язык.

1. Философский и мистический поворот (IX–XII века)

От полемики к единству

Ранние богословы, такие как ат-Табари и аль-Куртуби, подчеркивали *различие*: Коран исправляет заблуждения иудеев и христиан.

Но в классическую и мистическую эпоху мусульманские мыслители стали говорить об единстве: все откровение исходит из одного Божественного источника.

Этот поворот отражал развитие исламской философии (фалсафа) и суфизма, стремившихся примирить разум, откровение и всеобщую духовную истину.

2. Аль-Газали (1058–1111): Внутренний смысл откровения

а. Коран как отражение вечного Слова

В трактате *Джавахир аль-Куран (Драгоценности Корана)* аль-Газали учил, что в Коране есть внешний (*захир*) и внутренний (*батин*) смысл.

Внешние слова - на арабском, они доступны каждому.

Внутренняя реальность (*хакика*) - вне времени; это та же истина, которая открывалась всем пророкам. Он писал:

“Тора, Евангелие и Коран - три лампы, зажженные от одного света”

Таким образом, арабская форма Корана была новой, но его сущность вечна - это та же Божественная мудрость, что просветила Моисея и Иисуса, теперь дарованная арабам.

в. Завершение, а не отмена

Аль-Газали отвергал представление о том, что Коран упраздняет прежние откровения. Напротив, он завершает и разъясняет их - как печать завершает письмо, придавая ему силу, а не стирая его содержание.

Для него все пророки - лучи одного пророческого света, а Мухаммед - полное солнце этого сияния.

3. Ибн Араби (1165–1240): Коран как вечный Логос

а. “Реальность Мухаммада” (*аль-Хакика аль-Мухаммадия*)

В мистической космологии Ибн Араби Коран - не просто книга, а вечное самовыражение Бога через “реальность Мухаммеда” - первозданный свет (*нур мухаммади*), из которого исходят все творение и все откровение.

Он писал:

“Все Книги, ниспосланные пророкам, в сущности - одна Книга Божия, хотя ее буквы различаются в зависимости от языка тех, кому она дана”.

Таким образом,

Тора - это Слово в еврейской форме,

Евангелие - в сирийской и греческой,

Коран - в арабской,

но все они являются проявлениями одного и того же Божественного Слова (*калям Аллах*).

б. Коран как космическая “Мать Книги” (*Умм аль-Китаб*)

Для Ибн Араби прообраз всякого откровения - *Мать Книги* (ср. Коран 43:4) - существует вечно с Богом.

Каждое писание пророка было лишь частичным отражением этого прообраза, явленное в языке и культуре определенного народа.

Коран Мухаммада - это самое полное отражение, потому что в нем соединены все истины прежних откровений.

Он писал:

“Коран вмещает в себя все то, что было рассеяно в прежних Книгах.”

Таким образом, для Ибн Араби Коран - не просто Писание арабов, но последний отклик вселенной на вечное Слово Божие, вобравший в себя все Торы и Евангелия мира.

4. Руми (1207–1273): Дух откровения

Персидский мистик Руми выразил ту же идею поэтически в “*Маснави*”:

“Свет Корана и свет Евангелия - один и тот же,
Различаются лишь лампы.”

Для Руми каждое откровение - как сосуд, наполненный из одного источника; Коран же это полный кубок, переполненный той же истиной, которую прежние пророки вкушали лишь частично.

Он любил евангельский образ “Слова, ставшего плотью” и переосмыслил его как “Слово, ставшее арабским”, то есть Божья истина стала слышимой и понятной арабскому народу через Мухаммеда.

5. Позднейшие философские размышления

а. Сухраварди и просвещение.

Философ Сухраварди (ум. 1191) и его школа рассматривали откровение как непрерывный поток Божественного света.

Они учили, что Коран, как и Библия, - это один луч вечного Света (*Нур аль-Анвар*), приспособленный к духовному зору каждого народа.

б. Синтез в суфийской традиции

Поздние суфии, такие как Абд аль-Карим аль-Джили (XIV век), цитировали Евангелие и Псалмы, показывая, что их внутренние смыслы совпадают с истинами Корана.

Они видели себя наследниками всех пророков, а не только Мухаммеда.

6. Синтез: Коран как универсальное Слово

Тема	Суфийское и философское понимание
Единство откровения	Все Писания - формы одного вечного Слова Божия.
Язык откровения	Каждый язык (еврейский, греческий, арабский) выражает ту же Божественную истину для своего народа.
Роль Мухаммеда	“Печать пророков” и воплощение всеобщего Слова.
Назначение Корана	Самое полное, ясное и завершающее раскрытие вечной речи Бога.
Связь с Библией	Ни отрицание, ни простое повторение, а завершение и исполнение.

7. Заключение

К эпохе аль-Газали и Ибн Араби Коран перестали видеть лишь как арабское исправление Библии - его понимали как универсальное откровение, стоящее за самой Библией, как последнее цветение единого Божественного послания, проявленного во многих языках и культурах.

Для богословов Коран *подтверждал и очищал* прежние книги.

Для философов - *завершал и раскрывал* их смысл.

Для мистиков - *вобрал и превзошел* их, став вечным Словом, облаченным в арабскую речь.

Так Коран стал восприниматься как вершина авраамической линии откровений - момент, когда Слово Божие становится полностью доступным человеческому сердцу, а не только отдельному народу или языку.

1. Исторический контекст: евреи и христиане в эпоху раннего ислама

Когда ислам возник в VII веке, еврейские и христианские общины уже были прочно укоренены на всём Ближнем Востоке:

Иудеи в Йемене, Хиджазе, Вавилоне (Ираке) и Сирии.

Христиане - греки, сирийцы, копты и армяне - по всей Сирии, Египту и Месопотамии.

Расширение ислама быстро подчинило этих “людей Писания” мусульманскому владычеству. Коран признавал их получателями откровения (ахль аль-китаб), но утверждал, что их Писания неполны или искажены, а послание Мухаммеда восстановило истинную веру Авраама.

Это утверждение заставило еврейских и христианских ученых переосмыслить свое богословие и защищать свои Писания в исламском мире, где арабский язык стал языком богословских споров.

2. Ранние христианские ответы (VII–IX вв.)

а. Иоанн Дамаскин (ок. 675–749) - первый христианский критик ислама
Иоанн Дамаскин, грекоязычный богослов, живший под ранним мусульманским правлением в Сирии, написал одно из первых систематических христианских рассуждений об исламе в своем труде *Источник знания* (в книге “О ересях”).

Он называл ислам “ересью исмаильтян.”

Коран, по его мнению, был:

Заимствованием из иудаизма и христианства, смешавшим их элементы, но искажившим их;

Текстом, созданным на основе невежественного знакомства с библейскими рассказами.

Он обвинял Мухаммеда в том, что тот слышал иудейские и христианские предания из вторых рук и, переработав их по-арабски, присвоил себе пророческий авторитет.

Для Иоанна Коран не был откровением, а лишь арабским подражанием Писанию, отражением желания иметь книгу, подобную той, что была у иудеев и христиан - именно тем явлением, о котором мы упомянули ранее.

“Он [Мухаммед], услышав из Ветхого и Нового Завета... создал свою собственную ересь”.

Так Иоанн задал тон дальнейшей полемике: ислам рассматривался как производная вера, повторяющая, но искажающая библейскую истину.

б. Христианские апологеты на арабском (VIII–IX вв.)

Когда арабский стал языком ученых и богословов, христианские мыслители начали писать по-арабски, вступая в прямой диалог с Кораном.

Ключевые фигуры:

Аммар аль-Басри (несторианин, IX в.),

Абу Курра (мелькитский епископ, IX в.),

Феодор Абу Курра и позднее ‘Абд аль-Масих аль-Кинди.

Их подход был двояким:

Споры с уважением - утверждая, что мусульмане поклоняются тому же Богу, Который говорил через пророков;

Отстаивание своего учения - настаивая, что Инджиль (Евангелие) не был искажен, но исполнен во Христе, а Коран неверно понял его смысл.

Они видели в признании Корана прежних Писаний непреднамеренное подтверждение их божественного происхождения.

Так, Абд аль-Масих аль-Кинди в своем знаменитом Послании аль-Хашими писал:

“Если вы признаете, что Тора и Евангелие от Бога, почему же отвергаете Христа, который их исполнил?”

Эта мысль стала центральным аргументом христиан:

Коран утверждает подлинность наших Писаний, значит, невольно подтверждает и нашу веру.

с. Диалог, а не только полемика

Примечательно, что некоторые христиане стремились не столько к спору, сколько к философскому диалогу.

Они разделяли с мусульманскими мыслителями (например, мутазилитами) интерес к греческой логике и метафизике.

Это создавало общую интеллектуальную почву, даже если стороны защищали разные откровения.

К X веку такие богословы, как Яхья ибн 'Ади (яковитский философ в Багдаде), могли рассуждать о Троице, Воплощении и откровении Корана в рациональных, арабских терминах, понятных и уважаемых мусульманами.

3. Еврейские ответы на ислам

а. Саадия Гаон (882–942) - еврейский аналог аль-Газали

Саадия Гаон жил в Багдаде при Аббасидах, писал по-арабски и создал первый полный арабский перевод еврейской Библии (*Тафсир*).

Он восхищался красотой арабского Корана, но утверждал, что Тора вечна и что Бог никогда не посылает нового закона, чтобы отменить прежний.

Он отвергал мусульманское учение о *наسخе* (отмене откровений), говоря:

“Бог не меняет Своего мнения и не противоречит Сам Себе”.

Для Саадии Коран был человеческим сочинением, хотя и содержащим “нравственную мудрость и страх Божий”.

Он стремился к мирному сосуществованию, при этом интеллектуально защищая неизменность Торы.

б. Позднейшие еврейские философы: Маймонид (1138–1204)

Маймонид, писавший по-арабски в мусульманской Испании и Египте, признавал исламское единобожие и нравственную строгость достойными восхищения.

Он рассматривал ислам как монотеистическую веру, подготавливаемую народы к всеобщему признанию Бога, но не как новое откровение.

В *Путеводителе растерянных* он утверждал:

ислам и христианство распространили знание о едином Боге,

но только Тора является подлинным божественным законом.

Таким образом, Маймонид видел в Коране инструмент Провидения, но не откровение - своего рода средство в Божьем замысле.

4. Средневековые споры: Писание и язык

а. Арабское откровение как вызов

Мусульманские мыслители утверждали, что красноречие и несравненность (и 'джаз) Корана доказывают его божественное происхождение.

Христианские и еврейские полемисты отвечали, что красота языка не является доказательством истины.

Истина, говорили они, заключается в учении, а не в риторике.

б. Споры о всеобщности

Мусульмане утверждали: Коран завершает откровение, делая его универсальным и окончательным.

Христиане возражали: Евангелие уже завершено - “Ибо так возлюбил Бог мир..”.

Иудеи настаивали: завет Бога с Израилем вечен и неизменен.

Так каждая традиция утверждала, что именно ее Писание содержит окончательное откровение, а все последующие притязания могут быть только частичные или ошибочные.

5. Парадокс влияния

Несмотря на споры, все три традиции глубоко влияли друг на друга.

Еврейские и христианские богословы переняли арабскую философскую терминологию, чтобы объяснять своё учение.

Мусульманские мыслители, в свою очередь, испытали сильное воздействие библейских сюжетов и переводов греческой и сирийской христианской философии.

В городах вроде Багдада, Кордовы и Каира иудеи, христиане и мусульмане жили в одном интеллектуальном мире - писали, спорили и учились на арабском.

Так возникновение Корана как арабской “Книги откровения” преобразило всю религиозную картину:

Оно втянуло наследников Библии в новое общее пространство рассуждения, где откровение, разум и язык переплелись воедино.

6. Заключительная таблица

Традиция	Основной ответ на притязание Корана
Иоанн Дамаскин (греческий христианин)	Ислам - подражание Библии; Мухаммед составил его из иудейских и христианских рассказов.
Арабоязычные христиане	Коран подтверждает истину Библии, но неверно ее толкует; Христос завершает всё откровение.
Еврейские ученые (Саадия, Маймонид)	Тора вечна; Коран- не новое откровение, а проявление Божьего замысла.
Философский ответ	Истина не может противоречить самой себе; все пророки указывают на одного Бога, но только наше Писание хранит не искаженное послание.

7. Заключение

С VII по XIII век мусульмане, христиане и иудеи вели глубокий богословский диалог. Мусульмане видели в Коране арабское завершение всего откровения.

Христиане и иудеи воспринимали его как переосмысление или присвоение их Писаний.

И всё же все стороны соглашались, что Бог говорит через историю и язык, и что откровение развивается через последовательные послания.

Парадоксально, но именно притязание Корана на восстановление библейской истины заставило иудеев и христиан заново выразить свое богословие на арабском - что породило века блистательного совместного развития в области богословия, философии и мистики.

1. От полемики к диалогу: современный контекст

В XIX–XX веках западные исследователи ислама начали изучать Коран с историко-лингвистической точки зрения и пришли к следующим выводам: он обладает глубинным повествовательным и богословским родством с Библией; он возник в мире, насыщенном библейскими идеями, устными преданиями и эсхатологическими ожиданиями.

Одновременно мусульманские мыслители нового времени стали понимать откровение не как разовую диктовку, а как живой процесс - как речь Бога, обращенную к человечеству через историю и на разных языках.

Это сближение породило новую перспективу:

Коран - не чуждая Библии книга, а её арабское продолжение, голос Писания, прозвучавший среди арабов.

2. Кеннет Крэгг (1913–2012): Коран как “голос Писания по-арабски”

Англиканский богослов и епископ Кеннет Крэгг, посвятивший жизнь взаимопониманию между христианами и мусульманами, наиболее глубоко выразил эту мысль.

а. Коран как “Событие Бога на арабском языке”

Крэгг описывал Коран как продолжение библейской драмы в новой языковой и культурной форме:

“Коран - это Писание, происходящее вновь: Бог вновь говорит, но теперь по-арабски”.
(*Зов Минарета*, 1956)

Он видел в Коране часть Божьего педагогического действия - способ, которым вечная истина постоянно переосмысливается, чтобы быть услышанной каждым народом.

По мнению Крэгга:

Коран заново разворачивает библейские темы творения, падения, пророчества и суда;
Утверждает единобожие в языческой среде;

Дарует арабам их собственное место в истории откровения.

б. Непрерывность и незавершенность

Одна из самых выразительных формулировок Крэгга: ислам представляет собой “продолжение без завершения”.

То есть:

Коран продолжает библейскую линию, утверждая одного Бога, единый нравственный порядок и пророческую традицию, но не достигает библейской вершины - воплощения и вселенского искупления во Христе. Ислам, по Крэггу, повторяет ход откровения, но не завершает его.

Тем не менее он восхищался исламской преданностью Писанию, молитве и нравственному долгу, считая ислам частью “*Книжной семьи*”.

3. Фазлур Рахман (1919–1988): откровение как историко-нравственный процесс

Пакистанский реформатор Фазлур Рахман предложил одно из самых влиятельных современных исламских переосмыслений природы откровения.

а. Коран как встреча Божественного и человеческого

В трудах *Ислам И Современность* и *Важные Темы Корана* Рахман утверждал, что откровение это не механическая диктовка, а живое взаимодействие между Божественной волей и нравственным сознанием пророка.

“Откровение - это Божественное Слово, входящее в нравственно-интеллектуальное сознание пророка.”

Из этого он утверждал следующее:

Коран отражает как вечное послание Бога, так и исторический контекст Аравии VII века;

Предыдущие откровения (Тора, Евангелие) были такими же ответами Бога на нужды своих эпох;

Следовательно, откровение - процесс поступательный и накопительный: каждое Писание развивает предыдущее, раскрывая вечную истину в новых обстоятельствах.

б. Коран как Универсализация Откровения

Рахман видел в Коране не племенную книгу арабов, а универсализацию единобожия, прежде явленного иудеям и христианам.

Он призывал мусульман вернуть подлинный нравственный и исторический дух Писания - понимать Коран через его принципы, а не через устаревшие формы.

4. Махмуд Аюб (1935–2021): Коран как “Библия ислама”

Ливанский мусульманский богослов Махмуд Аюб продолжил развивать это направление, стремясь к взаимопониманию между религиями.

а. “Коран в библейской традиции”

В своей фундаментальной книге *Коран и Его Толкователи* Аюб писал:

“Коран - это Библия мусульманской общины, продолжение того же откровения, которое было даровано Израилю и Церкви.”

Он подчеркивал, что ислам не рассматривает себя как замену Библии, но как восстановление ее центральной истины - единства Бога и призыва к праведности.

б. Исполнение через верность

Аюб писал, что мусульманин должен читать Коран рядом с Библией, чтобы увидеть его место в общей истории откровения.

Для него Коран возвращает человечеству пророческое единобожие Авраама, Моисея и Иисуса, утверждая неизменную верность Бога всем народам.

“Ислам - не отрицание, а подтверждение Божественного диалога, начатого с Израилем и продолженного через Христа.”

Коран, по Аюбу, - это одновременно напоминание и продолжение: Божий призыв не забыть прежний свет откровения.

5. У. Монтгомери Уотт и Ангелика Нойвирт: исторические мосты

а. Уильям Монтгомери Уотт (1909–2006)

Выдающийся христианский исследователь ислама, Уотт рассматривал Мухаммеда как пророка-реформатора в рамках библейской традиции.

В книге *Мухаммад: Пророк и Политик* он писал:

“Ислам - это ответ арабского мира на вызов единобожия, уже провозглашенного в Библии.”

Таким образом, ислам представлялся ему культурным переводом библейской веры - Словом Божьим, укоренившимся в арабской земле.

б. Ангелика Нойвирт (современная немецкая исследовательница)

Ее новаторские труды показывают Коран как позднеантичный текст, вступающий в диалог с иудейскими и христианскими Писаниями.

Она пишет:

“Коран нужно читать как часть написанного наследия поздней античности - не как соперника, а как его арабский голос.”

По Нойвирт, Коран - это текстовый диалог: он цитирует, переосмысливает и преобразует библейские образы, создавая новую священную идентичность арабов.

6. Современные еврейские взгляды

Некоторые еврейские мыслители, такие как Авраам Гейгер (XIX в.) и Ирвинг Цейтлин (XX в.), признавали роль ислама в универсализации единобожия.

Они видели в Мухаммеде восстановителя этического монотеизма Израиля для нового народа.

Гейгер метко назвал ислам “иудаизмом для арабов” не в смысле подражания, а как адаптацию, *возрождение авраамической веры* на другом языке.

7. Синтез: современное понимание

Тема	Современное осмысление
Откровение	Непрерывный исторический процесс Божественного общения с человечеством.
Коран и Библия	Два выражения одного и того же Божественного Слова в разных языках и культурах.
Роль Мухаммеда	Пророк, вновь выразивший библейскую веру для арабского мира.
Назначение ислама	Возобновить единобожие, справедливость и послушание Богу в языческой среде.
Преемственность	Ислам продолжает линию Авраама, не выходя за ее пределы.
Диалог сегодня	Оба Писания зовут к вере, смирению и миру - не к соперничеству.

8. Заключение: “Одно Слово, на многих языках”

За века понимание связи между Кораном и Библией прошло путь:

От соперничества (где каждая сторона претендовала на окончательность) к

преемственности (где обе выражают один и тот же Божественный замысел);

И далее - к диалогу (где каждое Писание обогащает другое).

Современные мыслители - Крэгг, Рахман и Аюб - сходятся в глубоком прозрении:

Божье Слово не заключено в одном языке и не принадлежит одной книге.

Оно вновь и вновь звучит на языке каждого народа - еврейском, греческом или арабском.

В этом смысле Коран можно понимать как эхо Библии на арабском языке, как продолжение откровения Единого Бога, говорящего к человечеству на протяжении всей его истории.

1. Новый контекст: межконфессиональная теология после конфликтов

После столетий богословского соперничества и взаимного непонимания современный мир (особенно в свете войн XX века, колониализма и глобализации) поставил перед религиозными мыслителями новые вопросы:

Могут ли иудеи, христиане и мусульмане разделить общее богословское видение Божьего откровения?

Как рассматривать Библию и Коран не как соперничающие книги, а как взаимно проясняющие друг друга?

Что означает исповедовать единого Бога Авраама в плюралистическом мире?

Эти мыслители стали описывать откровение как Божественный диалог сквозь историю, где каждое Писание - это новая артикуляция одного и того же вечного Слова.

2. Ханс Кюнг (1928–2021): поиск “глобальной этики”

а. Авраамическое единство веры

Швейцарский католический богослов Ханс Кюнг известен формулой:

“Не будет мира между народами без мира между религиями”

В книгах *Ислам: Прошлое, Настоящее и Будущее* (2007) и *Христианство и Мир Религий* (1984) Кюнг утверждал, что:

Иудаизм, христианство и ислам - три формы единого авраамического монотеизма;

Каждая традиция открывает одного и того же Бога через собственную историю и своего пророка.

Он называл Коран и Библию “двумя откровениями единого Божественного замысла” Кюнг отвергал мысль о том, что Бог мог бы противоречить Сам себе в разных Писаниях. Напротив, откровение носит поступательный характер: каждая религиозная община получает Слово сообразно своей способности и своему историческому контексту.

“Божье откровение одно, хотя его исторических посредствований много”

b. Проект “Глобальной этики”

Проект Кюнга “Глобальная этика”, принятый Парламентом мировых религий, выделил общий нравственный стержень великих религий - особенно авраамических:

Священность жизни,

Справедливость и правдивость,

Сострадание и самообладание,

Взаимное уважение.

Таким образом, для Кюнга Коран и Библия - этические спутники человечества на пути к Богу.

3. Сейид Хосейн Наср (р. 1933): Коран как вечное Слово

Ирано-американский философ Сейид Хосейн Наср представляет мусульманский аналог универсального видения Кюнга - но глубоко укорененный в традиционной исламской мистике.

a. “Вечная философия”

Взгляд Насра опирается на *Sophia Perennis* - идею о том, что все истинные религии выражают одну Божественную мудрость.

В работах (*Сердце Ислама* и *Knowledge and the Sacred*) он пишет:

“Каждое откровение - это отражение вечного Слова Божьего в определённом языке и культуре. Коран является таким отражением в арабской форме.”

Наср подчеркивает, что:

Коран не отрицает Библию, но подтверждает и обновляет ее мудрость;

Откровение циклично и милостиво - Бог посылает пророков напоминать тогда, когда человечество забывает;

Ислам - последнее звено в этой цепи, но не из гордыни, а скорее как завершение и напоминание.

b. Коран и Логос

Для Сейида Хосейна Насра Коран соответствует Логосу - вечному Слово христианского богословия.

Христиане видят Слово, ставшее плотью; мусульмане - Слово, ставшее книгой.

И всё же оба взгляда указывают на одну и ту же Божественную реальность - самораскрытие Бога через творение, слово и дух.

“Слово стало плотью во Христе; оно стало книгой в Коране - обе формы принадлежат вечному Логосу.”

4. Мирослав Вольф (р. 1956): общее основание в вере в “Одного и Того же Бога”

Хорватско-американский богослов Мирослав Вольф, основатель Йельского центра веры и культуры, внёс значительный вклад в развитие христианско-мусульманского богословского сближения.

a. “Аллах: Христианский Ответ” (2011)

В этой книге Вольф утверждает:

“Когда мусульмане и христиане говорят о Боге, они имеют в виду одно и то же Существо - хотя понимают Его по-разному.”

Он опирается на тексты и Библии, и Корана, чтобы подчеркнуть:

Существование единого Творца, милостивого, справедливого и возвышенного;
Общее наследие Авраама;

Призыв к любви к Богу и ближнему.

Вольф признает серьезные догматические различия (особенно в вопросах личности Иисуса и Троицы), но настаивает: эти различия не меняют самого адресата веры - это тот же Бог, Который говорил пророкам.

в. Откровение как разделенная ответственность

Главная идея Вольфа: каждая религиозная традиция несет ответственность перед другой.

Если откровение действительно от Бога, оно должно вести к миру, а не к соперничеству.

Следовательно, мусульмане и христиане - совместные хранители монотеизма, призванные вместе свидетельствовать против идолопоклонства, несправедливости и насилия.

5. Другие важные современные мыслители

Мыслитель	Вклад
Абдулазиз Сачедина	Мусульманский этик, призывающий к «авраамическому гуманизму», основанному на коранических принципах справедливости и милосердия.
Реза Шах-Каземи	Утверждает, что Коран и Библия выражают взаимодополняющие грани одной и той же трансцендентной истины.
Дэвид Бурелл (католический богослов)	Исследует, как Фома Аквинский, Аверроэс и Авиценна разделяли общую философию Божественного откровения.
Джонатан Сакс (иудейский богослов)	Рассматривал ислам и христианство как “верных соперников” в замысле Бога, простирающем завет за пределы Израиля.

Все эти мыслители сходятся в одном:

Откровение - это единый Божественный разговор, разворачивающийся среди разных народов, Писаний и эпох.

6. Общее авраамическое богословие откровения

а. Основное видение

Современные авраамические богословы все чаще описывают откровение как многоголосие - множество голосов, объединенных в одну мелодию.

Каждое Писание раскрывает собственный мотив в Божественной симфонии руководства.

Тема	Общее понимание
Бог	Один Творец, милосердный и справедливый.

Тема	Общее понимание
Откровение	Непрерывный диалог: Тора → Евангелие → Коран.
Язык	Каждое Писание - это Слово, воплощенное в конкретном языке.
Пророчество	Цель Божественных напоминаний, завершающаяся (для мусульман) Мухаммедом, а (для христиан) Христом.
Цель	Вести человечество к справедливости, поклонению и единству перед Богом.

в. Различие без вражды

Эти богословы подчеркивают: различие не означает противоречие.

Как сказал Кюнг:

“У нас разные откровения, но один Откровитель.”

Наср добавляет:

“Лучи различны, но Солнце одно.”

7. Заключение: откровение как непрекращающийся диалог

Современные межрелигиозные мыслители видят Коран и Библию как два зеркала одного и того же Божественного света.

Библия возвещает Слово Божье на еврейском и греческом через Израиль и Церковь.

Коран передает то же Слово на арабском через Мухаммеда и умму.

Обе книги свидетельствуют об одном Боге - Творце, Судье и Искупителе, призывающем человечество к вере, состраданию и праведности.

Как писал Кеннет Крэгг:

“Коран и Библия - не две соперничающие книги, а две главы одной Божественной истории”

1. Образование и размышление над Писанием

В Великобритании, Северной Америке и некоторых странах Ближнего Востока действуют группы *Размышления над Писанием* - кружки совместного изучения Писаний, где иудеи, христиане и мусульмане читают Библию и Коран бок о бок.

Каждый участник выбирает отрывки на общие темы - сотворение, справедливость, гостеприимство - и объясняет их в свете собственной веры.

Такие встречи проходят в университетах Кембриджа, Джорджтауна, Вирджинии; многие исламские и христианские духовные школы включили их в свои учебные программы.

Цель этих собраний вовсе не обращение, а “понимание через внимательное слушание.”

Подобная практика оказала влияние на создание совместных учебных курсов по богословию, особенно в области миротворчества и межрелигиозных исследований.

2. Проекты Мира и Примирения

Современные программы по установлению мира опираются на общую для трех религий истину: Божье откровение требует справедливости и милосердия.

Инициатива “Общее Слово Между Вами и Нами” (с 2007 г.): группа мусульманских ученых обратилась к христианам с письмом, в котором подчеркнула две заповеди, объединяющие обе традиции - любовь к Богу и любовь к ближнему. Христианские лидеры ответили документом Йельского центра веры и культуры “Любить Бога и ближнего вместе”.

Центр Мирослава Вольфа совместно с мусульманскими организациями развивает эту платформу в практических семинарах, проходящих в регионах, переживших конфликты - в Нигерии, Индонезии, на Балканах.

Местные объединения, такие как *Команда Мусульманских Миротворцев* в Ираке и сообщество *Sant'Egidio* в Италии, соединяют коранические и библейские мотивы, занимаясь посредничеством и восстановлением доверия между людьми.

3. Забота о Творении

Совместное чтение книги Бытия (2:15) и суры 6:165 (“Мы сделали вас наместниками на земле”) вдохновляет верующих разных традиций на совместные экологические проекты.

Альянс религий и охраны природы (Alliance of Religions and Conservation) и программа ООН Веры для Земли сотрудничают с мусульманскими и христианскими организациями в делах восстановления лесов, развития возобновляемой энергетики в мечетях и церквях, защиты водных ресурсов.

Труды Сейида Хосейна Насра о единстве бытия (*maq-hud*) и творении нередко цитируются рядом с энцикликой Папы Франциска *Laudato Si'* в межрелигиозных декларациях о защите природы.

4. Гуманитарная и социальная этика

Такие объединения как Религии за Мир, Всемирный совет церквей и Islamic Relief Worldwide используют язык *рахмы* (милосердия) и *аганэ* (любви), чтобы координировать помощь при стихийных бедствиях, поддержку беженцев и борьбу с нищетой.

В их совместных обращениях часто звучат цитаты: из Корана 5:32 - “кто спасет одну жизнь, тот спас все человечество” и из Михея 6:8 - “действуй справедливо, люби милосердие”.

5. Научный и культурный диалог

Ежегодные богословские форумы между христианами и мусульманами (Ватикан – Аль-Азхар, лютеранско-мусульманские и др.) исследуют, как откровение влияет на общественную мораль, понимание справедливости, отношения полов и отношение к технологиям.

Во многих университетах созданы кафедры авраамических исследований, где ведутся постоянные проекты по сравнительному богословию и этике.

6. Заключительная таблица

Сфера	Основной принцип, вытекающий из общего откровения	Пример
Образование	“Стремись к знанию” (Коран 96:1; Притчи 1:7)	Программы Размышление над Писанием
Мир	Любовь к Богу и ближнему	Инициатива Общее Слово
Экология	Ответственность за творение	Проекты Вера для Земли
Гуманитарная помощь	Святость человеческой жизни	Межрелигиозные миссии помощи
Наука и культура	Мудрость как общий дар	Форумы Ватикан – Аль-Азхар

7. Заключение

Зарождающаяся общая авраамическая теология откровения сегодня живет не только в трудах богословов, но и в университетских аудиториях, лагерях беженцев, экологических программах и гуманитарных миссиях.

Она воспринимает Библию и Коран как два созвучных призыва служить единому Творцу - исцелять Его мир, превращая века соперничества в сотрудничество, основанное на любви и справедливости.

Мусульманские апологеты, обращаясь к Библии, чтобы уточнить собственное понимание ислама, тем самым заново толкуют само кораническое послание, выступая против застоя и закрытия дверей *иджтихада* - творческого богословского размышления. Это обновление породило и институциональные формы, такие, как Красный Полумесяц, созданный по образцу Красного Креста, и другие организации взаимопомощи.

Можно говорить о движении, которое приближает ислам и христианство друг к другу, не в смысле смещения вер, а в духе диалога и совместного служения. Всё чаще происходят конференции, круглые столы, небольшие общие дела, где вера становится языком сотрудничества.

Грех Церкви заключался в том, что она слишком долго отворачивалась от ислама - не желала вести серьёзный разговор, сотрудничать и говорить с любовью.

Но миссия остается сердцем христианского призвания - это зов сыновей Авраама делиться между собой тем светом, который каждый из них получил от Бога.